

**О РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩИННЫХ СТРУКТУР
ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ
ПО РАСКОПКАМ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ
(неолит — начало бронзового века)**

Жилище — часть нашей жизни. С глубокой древности люди начали создавать себе жилье по законам пользы, прочности и красоты. Жилище ограждало человека от неблагоприятных условий (холод, дождь), являлось местом сохранения минимально необходимого количества ресурсов (пища, одежда), производственной деятельности, материализованным воплощением общественных отношений, и в этом смысле оно сохранило свою функцию до настоящего времени.

Научную значимость изучения жилищ и поселений осознал еще Л. Г. Морган, показав связь типов жилищ с историей общества¹. В отечественной науке археологами и этнографами накоплен значительный опыт исследования жилых строений, однако большинство археологов ограничиваются описанием остатков жилищ, в лучшем случае дополняя описание возможной реконструкцией, но лишь в немногих работах предпринимаются попытки изучения социальной организации конкретных коллективов прошлого по остаткам раскопанных поселений.

На наш взгляд, у многих археологов определились два негативных подхода в исследовании поселений и жилищ. Во-первых, недооценка исследования поселений в целом. Как правило, раскапываются только жилища, без внимания остается большая часть площади поселений, что приводит к недостаточной информативности источника для решения социологических реконструкций. Во-вторых, зачастую некорректно привлекаются аналогии из этнографических исследований для объяснения многих фактов и исторических процессов. Видимо, следует учитывать, что археолог выявляет древнейший пласт культуры, в том числе и древнейшие типы жилищ, своего рода — архетип, который со временем трансформируется в зависимости от экономического, технологического, экологического и социального факторов. Археологические модели поселений и соответствующие им социальные структуры, особенно в каменном веке, не могут быть идентифицированы с этнографическими моделями, поэтому стремления археологов найти этнографические параллели необязательны, а зачастую и антинаучны. По-видимому, в большей степени желательно обращение этнографов к поиску истоков многих культурных явлений, этапов и механизмов их трансформации вплоть до этнографической современности.

Теоретические и методологические аспекты изучения социальных отношений в связи с типом поселений и жилищ нашли отражение в ряде работ последних лет². Современные исследователи стремятся преодолеть схематизм и излишне прямолинейные выводы, характерные для работ 30—60-х гг.

Представление о характере поселений и типах древних жилищ на территории Среднего Зауралья появилось в конце 20-х — середине 30-х гг. в связи с раскопками П. А. Дмитриева.

В 1928—1929 гг. им раскапывалась 2-я Андреевская стоянка на южном побережье Андреевского озера в 18 км к ЮВ от Тюмени. Были открыты 3 полуземлянки подпрямоугольной формы, небольшие по площади (10—12 м²), 3 хозяйственные ямы и 2 костра за пределами жилищ. Мощность культурного слоя на поселении — до 1 м, жилища углублены на 0,5—0,7 м.

В те же годы раскапывалась Липчинская стоянка на р. Туре, в 60 км к западу от Тюмени, где также были вскрыты полуземлянки прямоугольной формы, но большей площади — 18 м².

В 1931, 1932 и 1934 гг. П. А. Дмитриев раскопал 3 жилища в урочище Калмацкий Брод на р. Исети. Это были полуземлянки округлой формы диаметром 7,5 м (площадь 44—45 кв. м)³.

Полученный материал позволил П. А. Дмитриеву впервые поставить научную проблему изучения поселений и жилищ. Он разделял поселения на сезонные и долговременные главным образом по мощности культурного слоя и наличию утепленных жилищ. Им предложена графическая реконструкция жилищ на стоянке Калмацкий Брод и 2-й Андреевской (рис. 1).

Используя археологический материал и привлекая этнографические сведения, он реконструировал хозяйство и быт, социальную структуру и религиозные представления зауральского населения в начале эпохи металла⁴. Им была заложена научная типология многих категорий находок.

Однако П. А. Дмитриев не избежал ни схематизма, ни вульгаризации в вопросах социальной реконструкции по типу поселений и жилищ, как и многие другие археологи его поколения.

Раскапывая только часть поселения, он визуально определял его размеры и количество жилищ, как правило, преувеличивая и то, и другое. На стоянке Калмацкий Брод было раскопано 3 жилища, но П. А. Дмитриев допускал одновременное существование 10—12. В каждом из них, по его мнению, могло разместиться 15—20 человек взрослого населения и, таким образом, население стоянки предполагалось в 150—200 человек⁵. Эти цифры взяты произвольно, ничем не мотивированы. Автор даже не пытался подсчитать минимальную площадь, необходимую для жизнедеятельности одного человека, а ведь в жилище значительную часть занимал очаг, хранились пища, утварь и т. д. Землянка площадью 45 м² могла быть, по мнению П. А. Дмитриева, большим домом материнского рода, в котором обитало несколько парных семей.

На Андреевской стоянке жилища оказались небольшими по площади (10—12 м²) и не могли вместить более 3—4 человек. П. А. Дмитриев предположил, что этот тип жилища более поздний и соответствовал тому периоду, когда осуществлялся переход от материнского рода к отцовскому. Позднее выяснилось, что исследованные П. А. Дмитриевым стоянки относятся к единому хронологическому горизонту.

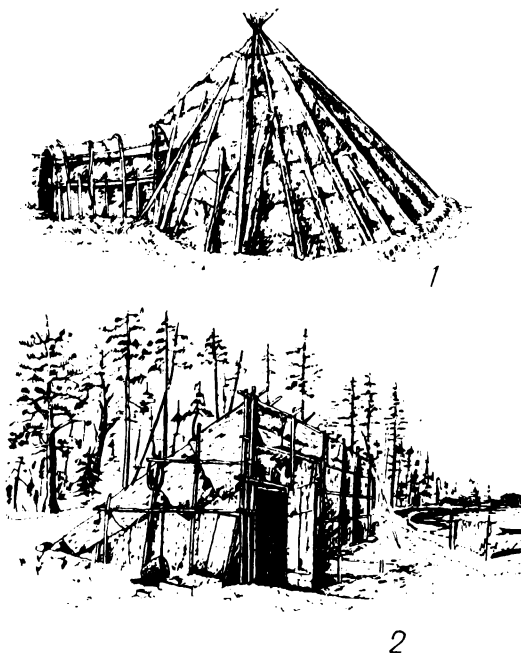

Рис. 1. Реконструкция жилищ стоянок Калмацкий Брод (1) и 2-й Андреевской (2) по П. А. Дмитриеву

Социальная реконструкция, произведенная П. А. Дмитриевым,— характерный пример давления схемы, притягивания конкретного материала к схеме, разработанной этнографами для периодизации первобытной истории с последовательной сменой материнского рода отцовским. Общество рыболовов и охотников лесной зоны Зауралья накануне бронзового века, по П. А. Дмитриеву, оказалось устроенным так же, как и общество ирокезов-земледельцев Северной Америки, исследованных Л. Г. Морганом в XIX в. Становится понятным и стремление автора раскопок увеличить количество жилищ на стоянке и число людей на поселении. П. А. Дмитриев стремился реконструировать материнский род, известный ему из этнографических сведений. (Он утверждал даже о переходе к отцовскому роду!)

Наиболее значительным явлением в археологии Урала были раскопки жилищ у Нижнего Тагила. В 1944—1946 гг. О. Н. Бадером раскапывалась стоянка на р. Полуденке в 12 км от этого города. К сожалению, памятник был разрушен дорожным карье-

ром. Лучше сохранилось жилище 1. Размеры его реконструированы ($4,5 \times 6$ м), котлован углублен до 0,7 м. Второе жилище было сильно разрушено, предполагаемое третье сооружение не сохранилось. Дома, по мнению О. Н. Бадера, были заключены в общую бревенчатую ограду, диаметром около 20 м, которая прослеживалась в виде канавки со следами ям от столбов⁶. Площадь поселения по распространению находок определена в 4000 м².

Сохранились остатки обуглившейся и рухнувшей на дно бередяной кровли. Основу конструкции, как полагал О. Н. Бадер, составлял бревенчатый сруб. На поселении раскопаны 4 округлые ямы размером 1×2 м, глубиной до 0,5 м. В 2 из них сохранился уголь, что позволило ученому предположить наличие открытых углубленных очагов за пределами жилищ.

Исследование неолитического поселения позволило О. Н. Бадеру определить стадию общественного развития как родовую общину с материнским правом. В более поздних работах поселение характеризуется как преимущественно однослойное, состоящее из 3 жилищ с общей оградой без какой-либо оговорки, что оно реконструировано по раскопкам его части (375 м² из 4000 м² предполагаемой площади поселения)⁷.

Отсутствие сравнительного анализа материала из жилища и канавки, многослойность памятника (на стоянке Полуденка I найдена керамика разных типов неолита, бронзового и железного веков) не позволяют безоговорочно принять предложенную реконструкцию, хотя теоретически такого типа поселения возможны.

Более поздние раскопки на поселении Чашиха, расположенном на берегу Горбуновского торфяника, произведенные В. М. Раушенбах, позволили (наряду с Полуденкой I) выявить наиболее характерный для зауральского неолита тип жилища — прямоугольную полуземлянку. Жилище на Чашихе было углублено на 0,5 м, площадь его 40 м², подчетыреугольной формы, с выходом в виде небольшого коридора длиной 0,7 м, шириной 1,2 м⁸.

В. Ф. Старков реконструировал жилище на Чашихе в виде усеченной пирамиды. В трех углах его обнаружены сужающиеся книзу ямки, направленные наклонно по отношению к вертикальной оси жилища. Главными несущими конструкциями являлись наклонно поставленные жерди, концы которых соединялись сверху. Стены также могли быть сделаны из жердей, наклонно прислоненных к поперечным, укрепленным на остовах. Сверху жилище могло быть покрыто дерном или землей⁹.

Несомненный интерес представляют исследованные Е. М. Берс жилища на острове Макуша, на правом берегу р. Исеть, у поселка Палкино (Свердловская обл.). На пойменной части острова — Нижняя Макуша — раскопаны остатки слабоуглубленного жилища (на 0,4 м) округлой формы с выходом в

виде горловины (рис. 2). Постоянного очага в жилище не обнаружено, оно обогревалось, по мнению Е. М. Берс, переносными очагами, следы которого в виде пятен прокаленной глины найдены в разных местах жилища. Это было, вероятно, охотничье сезонное стойбище. Сохранившиеся остатки постройки позволили Е. М. Берс представить ее в виде чума округлой формы с каркасной конструкцией стен, центральным столбом, поддерживающим коническую крышу, сверху покрытую шкурами животных¹⁰.

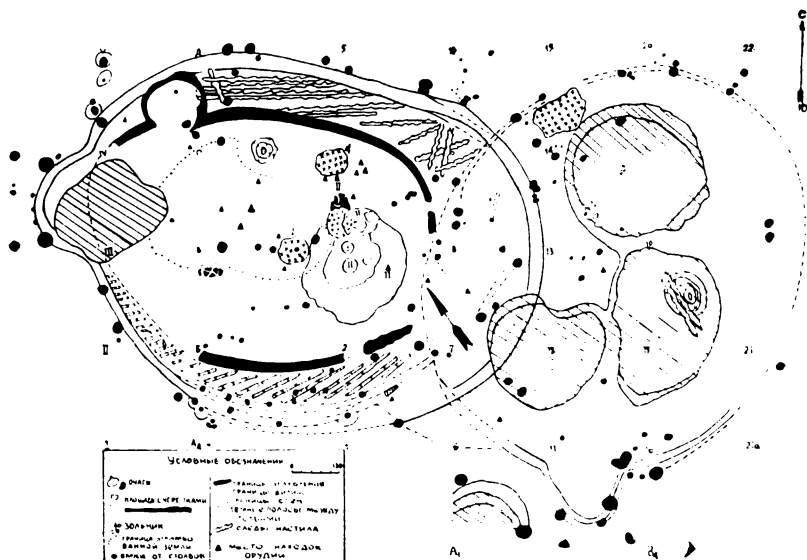

Рис. 2. План жилищ поселения Нижняя Макуша по Е. М. Берс

Более позднее жилище, также округлое, площадью до 50 м² с очагом в центральной части и выходом. В жилище сохранились остатки деревянного настила вдоль стен (рис. 2).

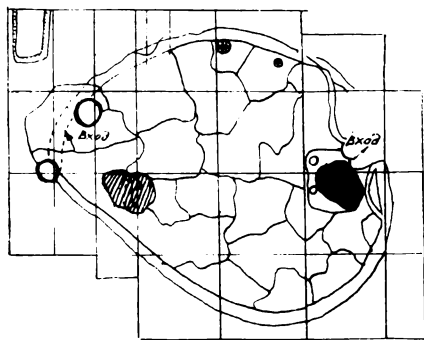
Когда пойменная часть острова была затоплена, охотники стали сооружать жилища в нагорной его части — Верхней Макуше¹¹. По наблюдениям, сделанным во время раскопок, Е. М. Берс восстановила внешний вид жилища — слабоуглубленная шалашеобразная постройка с основой из толстых, скрепленных сверху жердей. На деревянную основу могли натягиваться шкуры животных. В отличие от пойменных округлых жилища на Верхней Макуше имело грушевидную форму и 2 выхода, располагавшихся один против другого. У входа, ведущего к воде, между каменными плитами находился приподнятый на 15—20 см выше уровня пола постоянный очаг (рис. 3).

Тип жилища сферической формы, выявленный Е. М. Берс на Макуше, как и П. А. Дмитриевым на стоянке Калмацкий

Брод, бытовал одновременно с прямоугольными полуземлянками начиная с мезолита. Различия между ними, по всей вероятности, функциональные. Прямоугольные полуземлянки были в большей степени утеплены и использовались как зимние и относительно долговременные. Е. М. Берс отмечает кратковремен-

1

2

ПРОФИЛЬ ЗЕМЛЯНКИ

Рис. 3. Реконструкция жилища на Верхней Макуше (1). План и профиль (2) по Е. М. Берс

ное использование исследованных ею жилищ, возможно, переносных, устанавливаемых в удобных местах во время сезонных, особенно охотничьих, промыслов.

С начала 70-х гг. начал интенсивно пополняться фонд источников для исследования жилищ и поселений лесного Зауралья. Исследователи обратились к типологии жилых сооружений неолита и энеолита лесного Зауралья, выявлению факторов, вызвавших к жизни конкретные формы жилищ, их динамику¹².

Произведенная типология жилых построек позволила В. Ф. Старкову сделать вывод о единообразии конструктивных форм (общий экологический и культурный фактор) и одноочажности (общий хозяйственный фактор). При планировке дома первостепенное значение, по мнению В. Ф. Старкова, отводилось экономическому фактору, поскольку население его составляла хозяйственная ячейка, построенная на базе родства. На многих стоянках археологи фиксируют наличие одного жили-

ща (Нижняя Макуша, Чашиха и др.), в котором проживала одна семья. Численность семей В. Ф. Старков рассчитывал не произвольно, а исходя из усредненной площади на одного человека — 3,5 м², предложенной Л. П. Хлобыстиным для таежных и северных областей. Исходя из этих показателей, в небольших жилищах периода неолита проживало 4—7 человек, а в жилищах большей площади (Чашиха, Нижняя Макуша — второе жилище) — до 10 и более человек¹³. В качестве экономической единицы выступал коллектив поселка, состоящий из одной или 2—3 семей, по-видимому, родственных.

В. Д. Викторовой предпринималась попытка направить исследование поселений и жилищ в русло социологической теории, была предложена программа анализа остатков жилой среды, обращалось внимание на необходимость междисциплинарного подхода в историческом исследовании¹⁴. Однако по-прежнему археологи очень редко обращаются к изучению общественных структур древних обществ Урала.

Широко используемый метод сравнительной типологии дал возможность выявить наиболее характерный тип жилища в рамках отдельных культурных образований, проследить динамику жилых строений региона: от землянок и полуземлянок в неолите к слабоуглубленным и наземным домам в энеолите и начале бронзового века.

Отсутствие полностью раскопанных поселений во многом затрудняет социологические реконструкции. Можно проследить лишь тенденции в развитии социальных структур ранних обществ в Зауралье.

В социальном плане пространственные архитектурные формы определяют меру и степень открытости (общительности) или закрытости (замкнутости) социальных отношений, образно раскрывают то, как люди представляют и понимают реальные и желаемые практические контакты между собой.

Как указывают этнографы, «динамическое» (маршрутное) восприятие пространства (улица), связанное с опытом движения человека через территорию, было присуще людям с бродячим образом жизни. Постепенно оно сменилось «статичным», «радиальным» восприятием как вместилищем неких концентрических кругов, затухавших к горизонту, и соответствовало тому периоду в жизни первобытных племен, когда происходил переход к прочной оседлости и производящей экономике.

Естественно возникшие поселения являются, по определению Н. М. Гиренко, первичным социумом, общиной, коллективом непосредственных производителей, объединенных отношениями по поводу эксплуатации территории, являющейся материальной базой существования самих производителей¹⁵. Такое понимание представляется необходимой и достаточной характеристикой собственно общины.

Наличие поселения указывает на наличие общинного кол-

лектива с тремя сферами общественного взаимодействия: материальной, социальной и духовной (идеальной). Эта структура воспроизводится независимо от сроков пребывания коллективов на одном месте и независимо от стадийной и хозяйственной специфики.

Ранненеолитические памятники Среднего Зауралья нами разделены на две группы, которые, по-видимому, соответствуют двум линиям развития, двум культурам: козловской и кошkinsкой. Поселения козловской группы, как правило, расположены по берегам рек. Это кратковременные стоянки (Уральские Зори II на правом берегу р. Туры)¹⁶ или поселения с одним жилищем — полуземлянкой, одноочажной, площадью 40—50 м² (Евстуниха I при впадении р. Евстунихи в р. Тагил; Ташково I, жилища 4 и 6; Исетское Правобережное, жилище 1 по р. Исеть; Дуванское V, жилище 1 на р. Дуван)¹⁷.

Поселения кошkinsкой группы чаще всего занимают невысокие участки на побережье озер (Андреевское, Юрьинское, Чебаркуль и др.) или по протокам и старицам рек (Ташково III — на берегу озера старичного происхождения; Исток IV — на берегу протоки, соединяющей оз. Ипкуль и р. Иску)¹⁸. Они состоят из нескольких жилищ (на Андреевском озере, на поселении ЮАО-XII раскопано 4 жилища). Дома со следами каркасно-столбовых конструкций, мощными очагами; площадь жилищ 50—60 м² и более.

Население козловской группы в большей степени занималось охотой и вело подвижный образ жизни. Для обеспечения жизнедеятельности охотникам, оснащенным копьями, дротиками, луком со стрелами не было необходимости создавать крупные общественные коллективы. Поселения из одного-двух домов, по-видимому, и являлись наиболее оптимальной хозяйственной ячейкой. На значительной территории Зауралья существовало множество таких коллективов, которые взаимодействовали между собой, кооперируя усилия во время сезонной охоты, совершая совместные ритуальные церемонии и т. д. Такие коллективы (община) были скорее всего экзогамными. Н. М. Гиренко предполагает естественный характер возникновения экзогамии в силу разновременности вхождения индивидов общины в фертильный возраст и установки на воспроизводство потомства. Браки по необходимости должны были быть ориентированы на внешние связи¹⁹. Взаимодействие и обмен, в том числе и брачными партнерами, служили компенсирующим механизмом для всех коллективов определенной территории. Если такое предположение верно, тогда вряд ли оправданы поиски каких-то статичных образований типа рода или фратрии на ранних ступенях социальной эволюции.

Поле социальных связей не имело жестких границ, особенно в условиях бродячего образа жизни, интенсивность связей также была различной, могла носить циклический, сезонный харак-

тер. Система взаимодействующих общин составляла макроструктуру типа племени, которую, по-видимому, можно идентифицировать с фиксируемой нами археологической культурой.

Кошкинская культура сложилась в результате миграции населения из степных районов в Зауралье и адаптации к новым условиям. Переселяться на новые земли и в новые географические условия вряд ли могли слишком малые коллективы. Опираясь на данные топографии, можно предположить, что мигранты занимали иную экологическую нишу (побережья озер) по отношению к аборигенам — охотникам. Основным занятием кошкинского населения, по-видимому, становится рыболовство, обеспечивающее относительно оседлый образ жизни. Совокупностью этих причин и можно объяснить появление в раннем неолите довольно крупных поселений. Мы пока не располагаем фактами, указывающими на какое-то регулярное взаимодействие населения двух разных культур — козловской и кошкинской. Препятствием для установления контактов могли быть языковой барьер, различные религиозные представления и традиции и т. д.

Модель взаимодействия коллективов, оставивших памятники кошкинского типа, могла быть иной. Решающую роль при этом играют демографический фактор и оседлый образ жизни, при которых возможны, а иногда и необходимы регламентированные отношения с оседлыми коллективами по поводу ресурсов, установления брачных связей, территории и т. д. Вполне возможно образование статичных структур, основанных на дуальном принципе. Для решения этой проблемы необходимы исследования поселений в целом, так как расположение домов внутри поселения как отдельных единиц производственного коллектива зависело не только от формы хозяйственной деятельности, но и от характера социальных отношений, религиозно-мифологической картины мира.

В позднем неолите сохранились две основные линии развития: автохтонная полуденская культура, продолжавшая традиции козловской (на этом этапе усилились контакты с населением Среднего Приуралья); вторая линия развития (мигрирующее население из степных районов) — боборыкинская культура, по многим признакам материальной культуры близка кошкинской, с населением которой могли возникнуть определенные контакты. В дальнейшем, возможно, кошкинское население было ассимилировано боборыкинским.

Поселения полуденской культуры располагались не только по берегам рек (Дуванское V, жилище 2; Исетское Правобережное, жилище 2; Полуденка I; Гилево VIII и др.), но и на побережье озер (Чашиха — на берегу Горбуновского торфяника, Сосновый остров — на оз. Малый Тарман, Юрьинское — на берегу Юрьинского озера, поселения на Андреевском озере — ЮАО-V, Карьер II и др.).

Увеличилась площадь жилищ до 70—100 м²: ЮАО-V, жилище 8; Дуванское V, жилище 2²⁰. Поселения стали более сложными по структуре: включали несколько жилых строений, хозяйственных ям, очагов на открытом воздухе. Раскопанная часть поселения Гилево VIII у Заводоуковска (Тюменская обл.) состояла из 3 построек, 2 из которых были с очагами и, вероятно, являлись зимними жилищами. В третьей постройке очага не обнаружено. Вероятно, она использовалась только в теплое время года²¹. На стоянке Полуденка I О. Н. Бадер предполагал одновременное функционирование 3 жилищ.

Увеличение численности общин, по всей вероятности, происходило за счет естественного роста населения, усложнения хозяйственной деятельности, роста технической оснащенности, перехода части населения к оседлости.

Большинство поселений боборыкинской культуры расположено по берегам рек — Боборыкино II и Ташково I на р. Исеть; Юртобор III — на р. Тап; Ново-Шадрино I, Вороний Мыс — на р. Тобол и др. Довольно крупные поселения открыты и на озерах — ЮАО-IX, XII, XV — на Андреевском озере. Жилища — прямоугольные полуземлянки глубиной 0,5—0,1 м, площадью от 30 до 56 м² обогревались одним, в редких случаях двумя очагами. Второй очаг зафиксирован в больших по площади жилищах (Боборыкино II, жилище 6; ЮАО-XV, жилище 3)²².

К сожалению, полностью раскопанных поселений до сих пор нет, поэтому не хватает документации для изучения структуры как жилищ, так и поселений. Боборыкинские поселки состояли из нескольких компактно расположенных жилищ. Наиболее изученным остается поселение ЮАО-XII, раскопанная площадь которого составляет 500 м². Исследованы 3 жилища и хозяйственные ямы, размещенные между ними²³. Однако значительная часть поселка находилась под прилегающим к раскопу городищем и водопроводной трубой и осталась нераскопанной. Утепленные жилища с мощным культурным слоем на поселениях могут свидетельствовать о переходе к оседлости, а разнообразные постройки — об усложнении быта и возросшей роли домашнего хозяйства. По-видимому, поселок состоял из родственных семей, ведущих совместное хозяйство. Консолидация общины была вызвана не только социально-экономическими, но и историческими условиями. Миграция и чужеродное окружение требовали определенного количества взрослого мужского населения, способного защитить интересы и безопасность общины.

В начале эпохи металла население боборыкинской культуры, по-видимому, было частично ассимилировано или вытеснено с территории Среднего Зауралья. Именно в это время в северных районах появились укрепленные боборыкинские поселения, свидетельствующие о нестабильной обстановке и судьбах боборыкинского населения²⁴.

Наметившаяся в позднем неолите тенденция перехода за-

уральского населения к оседлости, связанная с переселением на озера и утверждением рыболовства в качестве основной формы хозяйственной деятельности, стала ведущей в энеолите. Изменился облик поселков. На побережье проточных озер появились значительные по площади поселения, состоящие из 6—7 строений (поселения Шапкуль I и Малый Барашек I на оз. Шапкуль, Нижнетавдинский р-н, Тюменская обл.²⁵; поселение ЮАО-VIII на Андреевском озере²⁶ и др.). Успехи в строительном деле позволяли возводить значительные по площади (50—60 м²) бревенчатые дома, углубленные не более чем на 0,4—0,5 м, с деревянными нарами для отдыха, утепленными сенями (Шапкуль I), входами (коридорами), нишами (ЮАО-VIII). Однако планировка поселков оставалась хаотичной. При одинаковых конструктивных особенностях постройки на поселениях значительно различались по площади.

Вероятно, энеолитические общины рыболовов и охотников только в зимнее время проживали вместе в утепленных домах, а в теплое время года часть населения, главным образом взрослого мужского, могла надолго покидать свой коллектив, используя ресурсы прилегающей к поселению территории. Общины, по-видимому, оставались экзогамными, но состоящими из представителей различных экзогамных коллективов, т. е. многогородовыми. Судя по орнаментам на керамике, происходил процесс взаимодействия и распространения культурных достижений на значительной территории. Известно, что изготовлением лепных сосудов занимались женщины. Смешение орнаментальных традиций может свидетельствовать о перемещении женщин в секторе взаимодействия и патрилокальном брачном поселении. В таком случае ядром общины, обеспечивающим ее целостность, был коллектив взрослых мужчин, в то время как замужние женщины, представители других общин вместе с детьми составляли основу семейного коллектива.

Экзогамная многосемейная община становилась полем социального взаимодействия родственников и неродственников и отражала противоречивый характер общинных и межобщинных отношений.

В начале II тысячелетия до н.э. в Среднем Зауралье начинается переход к производящей экономике, широко внедряется в жизнь зауральского населения металлообработка. Наряду с охотой и рыболовством, по-видимому, значительную роль начинают играть придомное животноводство. Основным типом поселений становятся базовые многолетние поселки, связанные с возросшей оседлостью населения.

Переход к бронзовому веку в Нижнем Притоболье связан с ташковской культурой, которая сформировалась в результате взаимодействия зауральских энеолитических культур (липчинской, андреевской) с культурой пришлого степного населения, однако ее генетические истоки лишь улавливаются, но отчетливо

не прослеживаются. Она занимает компактную территорию Нижнего Притоболья (юг Тюменской, север Курганской областей). Основные памятники — поселения — расположены в бассейнах р. Иски, Туры, Исети, Ука — притоков р. Тобола и соответственно выделяются три основные группы памятников: тюменская (оз. Ипкуль, оз. Андреевское, р. Дуван), ташковская (правый берег р. Исети), заводоукская (р. Ук).

Для ташковской культуры характерны круговые поселения, состоящие из нескольких бревенчатых наземных домов с мощными очагами в центральной части жилища²⁷.

Среди известных круговых поселений полностью раскопано Ташково II на р. Исеть (Курганская обл.), завершаются раскопки на Андреевском озере — поселения ЮАО-XIII.

Нами уже была предпринята попытка палеоэкономической реконструкции поселения Ташково II²⁸, в данной работе основное внимание будет уделено социальной реконструкции. Судя по всему, Ташково II занимало особый статус в системе поселений ташковской культуры, ибо не все поселения имеют центральное строение и такой разнообразный семантический набор предметов.

Поселение имело круговую (овальную) форму, образованную соответствующим разворотом 11 прямоугольных бревенчатых домов. Один дом — внутри замкнутого пространства (рис. 4-1).

Концентрическая структура поселения с центральным жилищем, по всей вероятности, является отражением мифологической традиции. Круг со вписанным в него квадратом, ориентированным по сторонам света, — одна из модификаций мандалы — универсальной модели мира. Космос представляется как шар (круг), окруженный хаосом, а стороны квадрата — четыре стороны света²⁹. Поселение — модель вселенной, центр мироздания, отсюда ориентация его по сторонам света.

План поселения — это и диаграмма, отражающая структуру общества. Образные начала архитектуры, брачные и локальные группы, определяющие социальную организацию, закреплены в мифах.

В обществах с дуальной организацией система социальных отношений обнаруживается в символической классификации, т. е. основных семиотических оппозициях типа: левый — правый, восток — запад, чет — нечет, мужской — женский и т. д. В индоевропейской мифологической традиции круг — символ женского начала, квадрат — мужского. Вписанный в круг квадрат в таком случае есть символ одновременно и расколотости мира и единства, символ союза мужского и женского начал, символ вечной жизни. В данном случае он может быть и символом двух экзогамных половин единого эндогамного коллектива общины.

Связь социальной организации с концентрической структурой поселений прослежена А. М. Золотаревым у многих перво-

бытных племен³⁰. Поселение Ташково II условно делится на две половины. Ось, разделяющая поселок, проходит через выход, параллельно стенам центрального жилища. Правая (восточная) половина включает 5 домов (нечет), а левая (за-

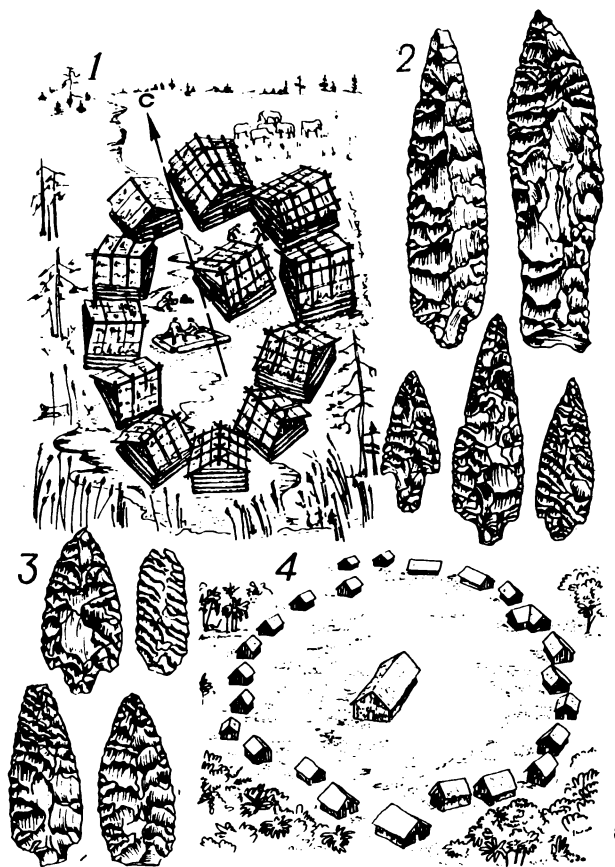

Рис. 4. 1 — реконструкция поселения Ташково II; 2—3 — наконечники стрел поселения Ташково II; 4 — деревня бороро (по Ю. Е. Березкину)

падная) — 6 (чет). Центральное жилище могло быть культовым или мужским домом. В отличие от других жилищ поселения в центральном было 3 очага и большая яма — хранилище.

Этнография свидетельствует, что социальные подразделения племени или общины почти всегда соотносятся со сторонами света (восток — запад)³¹. Экзогамные группы селятся таким образом, чтобы между ними пролегала «ничейная земля» — место общих собраний, ритуалов, производственной деятельности и т. д.

Дуальная организация, по-видимому, довольно позднее явление. Она стала новой формой консолидации коллектива в тот период, когда осуществился переход к прочной оседлости и производящей экономике. Только высокий уровень экономического развития позволял крупным общинам (до 100 и более человек) жить вместе, эксплуатируя прилегающую к поселению территорию. Такие многонаселенные поселки, вероятно, были удалены друг от друга на значительное расстояние (30—40 км).

Экзогамные группы объединялись в единый хозяйственный коллектив — соседскую общину — на основе элементарной формы социальной организации — дуальной экзогамии. Любая культура начинается с осознания мужского и женского начал и их взаимодействия, при этом мужское начало осознавалось как активное, создающее, в отличие от женского — пассивного, сохраняющего.

На поселении Ташково II центральный дом расположен на правой стороне, как бы утверждая более высокий статус восточной группы, вероятно, ставшей основой для формирования мужского дома или культового центра.

Асимметрию дуальных половин и доминирующее положение восточной маркируют наконечники стрел: все они (более 20) найдены только в жилищах правой стороны и в центральном доме. В индоевропейской мифологии стрела — атрибут солнечного мужского начала (сюжет о громовержце как устроителе свадьбы)³². Изделия, выполненные на плитках или крупных отщепах, имели форму наконечников, но использовались как охотничьи ножи, скорее всего являясь престижной вещью (рис. 4-2, 3). Можно говорить о своеобразном культе каменного наконечника, который мог быть и символом власти. Судя по отсутствию отщепов, наконечники были принесены на поселение уже готовыми. Дома с наконечниками более крупные по размерам, в них найдено больше сосудов и с более богатой ornamentацией. Само поселение строилось, видимо, начиная с центрального дома и в направлении с востока на запад. Последние два дома, меньшие по площади, могли быть построены позднее в связи с ростом населения. Они и беднее находками³³.

В домах восточной стороны найдены и сосуды с числовой символикой. В жилище 3 у стены напротив входа и очага находился целый сосуд, опрокинутый вверх дном. Расшифровка семантики сосуда нами уже дана в ряде работ. Обращаем внимание на знак из четырех линий (чет), расположенный слева от знака «3» (нечет), которые по условной классификации соответствуют оппозиции мужской — женской (рис. 5-1), а в сумме образуют число «7» — союз мужского и женского начал. Число «7» использовалось в самых различных сферах народной культуры, и прежде всего в ритуале. Оно — обобщенная модель вселенной, охватывающей космос, общество и личность. В формуле «3—4—7» обобщена идея единства³⁴. Из более чем 250

сосудов, найденных на поселении, только на одном такой цифровой знак. Можно с большей долей вероятности предположить использование сосуда в ритуале, направленном на укрепление единства коллектива. В многосемейных общинах, состоящих из представителей разных родов, экзогамных групп, совершенно естественно возникали конфликты и противоречия, которые мог-

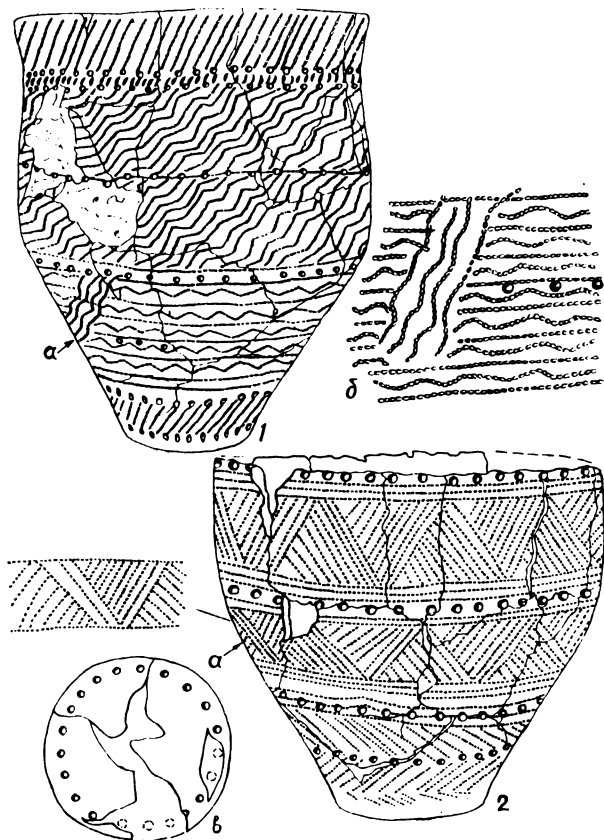

Рис. 5. Сосуды поселения Ташково II: 1 — из жилища 3; 2 — из жилища 5

ли быть сняты в совместном ритуале. Сосуд мог наполняться священным напитком подобно соме в «Ригведе» для коллективного угощения (емкость сосуда — 17 литров). Нахождение сосуда в жилище восточной группы, вероятно, свидетельствует о ее ведущей роли в ритуале и общественной жизни. Страх перед сверхъестественными силами природы был самым надежным регулятором поведения человека.

Еще один сосуд (18 из жилища 5), найденный у стены напротив входа и справа от него, имел знаки, выраженные числами

«3» и «21» (рис. 5-2). Расположенные в средней части сосуда зоны из разнозаштрихованных и взаимопроникающих треугольников, по-видимому, могут символизировать союз мужчины и женщины, который образует семью (треугольник с основанием внизу — символ мужского начала, а с основанием сверху и опущенной вниз вершиной — женского). В одном случае треугольники разделены тремя линиями, а на дне сосуда с внутренней стороны — 21 ямка. Скорее всего, этот сосуд использовался в ритуале восточной экзогамной группы, символизирующей единство коллектива, основой которого была группа родственных семей. Такое «прочтение» орнамента методологически оправдано, поскольку мифы воспроизводились в ритуале, основные идеи мифа воплощались в вещах, связанных с ритуалом.

Сакральное число «7» соотносится с четырехчленностью горизонтальной структуры вселенной (стороны света) и трехчленной вертикальной структурой (небо — земля — преисподняя). Произведение 3 и 4 образует число 12 (12 домов поселения Ташково II), определяющее идею целостности как макрокосма, так и микрокосма³⁵.

В архитектурном ансамбле поселения и знаковой системе в обобщенной форме отражена структура общины и общества в целом на определенном этапе развития.

Закономерность появления эндогамных структур с экзогамными половинами зафиксирована этнографами практически на всех континентах земного шара. Ю. Е. Березкиным дан рисунок деревни индейцев Южной Америки — бороро (рис. 4-4), до удивления похожий на поселение Ташково II³⁶.

Исследуемое в настоящее время поселение ЮАО-XIII является большим по площади (3500 м²), состоит, судя по количеству впадин, из 17—18 жилищ прямоугольной формы, бревенчатых, расположенных по кругу. Однако дома на центральной площади не оказалось, хотя на месте впадины 18 (рис. 6) было зафиксировано огромное кострище, возможно, являющееся местом общих собраний и проведения ритуалов. Поселение имеет много общего с поселением Ташково II, но менее богато, хотя и на нем найдены сосуды с числовой символикой. Интересно, что в одном из жилищ (3) оказалось захоронение 2 собак. Следует заметить, что исследуемые нами поселения погибли от пожара, при этом никаких следов разрушений не обнаружено. Напротив, поражает сохранность вещей, особенно на поселении Ташково II. Вполне возможно, селения сжигались общинниками перед уходом на новое место. Захоронения собак с людьми, свойственные героям «Ригведы» и «Авесты», известны и у населения синташтинской культуры Южного Урала. Вероятно, собака являлась символом смерти³⁷. Известно, что индоевропейские народы поклонялись огню. Видимо, сжигание поселения было его ритуальной смертью и одновременно очищением места огнем, завершением жизненного цикла. Захоронение собак в

жилище, вероятно, приурочено к моменту гибели поселения и ухода на новое место.

Исследование поселений различных эпох дает возможность выявить различные варианты материальной и духовной культуры. Общественных структур известно немного. Для первобытной эпохи универсальным типом социальной организации была община. Изменялись ее формы, но сама она сохранялась.

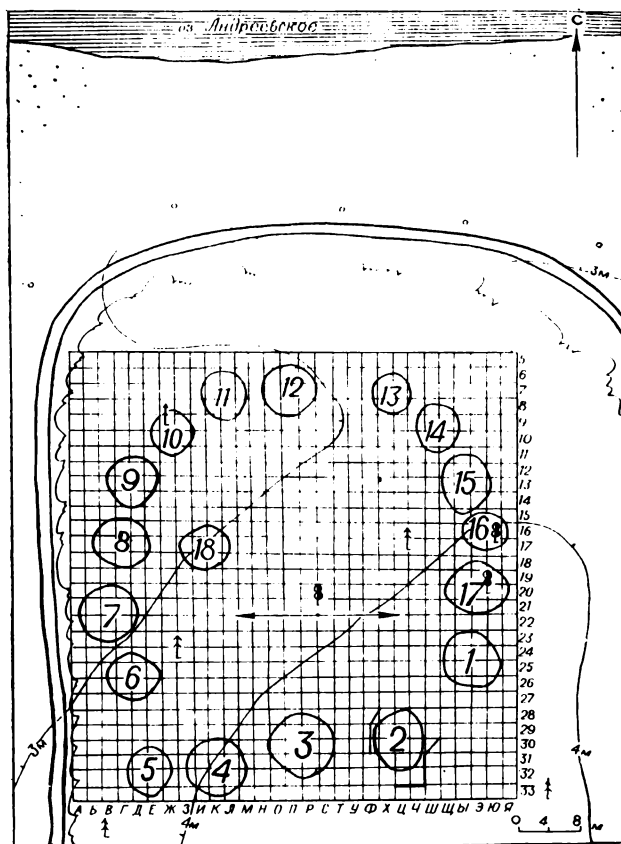

Рис. 6. План поселения ЮАО — XIII

Материалы зауральских поселений позволяют проследить принципиальное (стадиальное) отличие общин с присваивающим и производящим типом хозяйства. Община охотников и рыболовов динамична. Ей свойственны социальная однородность и отсутствие иерархичности, поскольку в небольших экзогамных коллективах происходила дифференциация только по физиологическим признакам (пол, возраст).

С освоением производящих форм хозяйства (металлообработка, скотоводство) происходил переход к оседлости, углубля-

лось общественное разделение труда, возрастала потребность в различных формах кооперации внутри общин. Формировались довольно крупные статичные коллективы, в которых родственные связи приобретали форму соседских. Осуществлялась дифференциация не только по полу и возрасту, но и по роду деятельности (общественное разделение труда), а также деление на родственников (экзогамные группы) и неродственников. Эти процессы порождали социальную неоднородность, иерархичность, социальные механизмы, координирующие взаимоотношения внутри общины. Религиозно-мифологическая картина мира должна была способствовать укреплению единства коллектива и закреплению более высокого социального статуса одной из родственных (экзогамных) групп общины.

- ¹ См.: **Морган Льюс Г.** Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934. С. 8.
- ² См.: **Массон В. М.** Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; **Он же.** Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990; Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социол. аспект. М., 1990.
- ³ См.: **Дмитриев П. А.** Землянки на зауральских стоянках // МИА. 1941. № 2.
- ⁴ См.: **Он же.** Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. 1951. № 21.
- ⁵ См.: Там же. С. 14—15.
- ⁶ См.: **Бадер О. Н.** Новый тип неолитического поселения на Урале // Сов. этнография. 1949. № 2.
- ⁷ См.: **Он же.** Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 162.
- ⁸ См.: **Раушенбах В. М.** Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29. С. 15—28.
- ⁹ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 177.
- ¹⁰ См.: **Берс Е. М.** Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. С. 39.
- ¹¹ См.: Там же. С. 43—45.
- ¹² См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья С. 169—185.
- ¹³ См.: Там же. С. 182—185.
- ¹⁴ См.: **Викторова В. Д.** Обоснование программы археологического исследования поселений // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 7—14.
- ¹⁵ См.: **Гиренко Н. М.** Социология племени. Л., 1991. С. 97—103.
- ¹⁶ См.: **Сериков Ю. Б.** Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- ¹⁷ См.: **Кернер В. Ф.** Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала; **Ковалева В. Т., Ивасько Л. В.** Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Там же; **Стефанов В. И.** Неолитическое поселение Дуванское V // Там же.
- ¹⁸ См.: **Стефанова Н. К.** Исток IV — неолитический памятник Тюменского Приоболья // Там же.
- ¹⁹ См.: **Гиренко Н. М.** Социология племени. С. 148.
- ²⁰ См.: **Алексашенко Н. А., Викторова В. Д.** Неолитическое жилище ЮАО V // Неолитические памятники Урала; **Стефанов В. И.** Неолитическое поселение Дуванское V // Там же.
- ²¹ См.: **Дрябина Л. А., Пархимович С. Ю.** Поселение Гилево VIII // Там же. С. 100—102.
- ²² См.: **Ковалева В. Т.** Боборыкинская культура: Итоги изучения // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 18—21.
- ²³ См.: **Ковалева В. Т., Сериков Ю. Б.** Поселение боборыкинского типа на

Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.

²⁴ См. статью В. М. Морозова и В. И. Стефанова в данном сборнике.

²⁵ См.: **Старков В. Ф.** Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. Вып. 1.

²⁶ См.: **Ковалева В. Т.** Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.

²⁷ См.: **Ковалева В. Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

²⁸ См.: **Ковалева В. Т., Штадлер М. Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннего бронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

²⁹ См.: **Топоров В. Н.** Мандала // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 100—102.

³⁰ См.: **Золотарев А. М.** Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 164, 170—172.

³¹ См.: Там же. С. 74, 90.

³² См.: **Иванов В. В., Топоров В. Н.** Индоевропейская мифология: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 529.

³³ См. статью О. В. Рыжковой в данном сборнике.

³⁴ См.: **Иорданский В. Б.** Звери, люди, боги: Очерки африканской мифологии. М., 1991. С. 162—166.

³⁵ См.: **Иванов В. В., Топоров В. Н.** Индоевропейская мифология. Т. 1. С. 532.

³⁶ См.: **Березкин Ю. Е.** Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л., 1987. С. 56.

³⁷ См.: **Войлошников М.** Индоевропейцы, где вы? // Знание — сила. 1991. Апр. С. 35.

Г. М. БУРОВ
Симферопольский университет

НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛУЗЕМЛЯНИКИ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Неолит в области Вычегоды, Северной Двины, Мезени и Печоры (IV — середина III тыс. до н.э.) представлен черноторской (с ямчатой и ямчато-валиковой керамикой) и камской культурами, энтинским, пинежско-вычегодским и конецборским культурными типами (с гребенчатой), притиманской (с ямочно-гребенчатой) и синкретической вычегодско-вятской культурами. Энеолит этой территории (конец III — первая половина II тыс.) характеризуется гребенчатой керамикой из глины с неорганической примесью (конецборский и ортинский культурные типы), пористой гребенчатой (галовский тип), синкретической (поселения мармугинского и ниремского типов), накольчато-гребенчатой посудой (усогорский тип), абашевскими и абашоидными материалами, захватывающими и бронзовый век. К числу его ранних памятников относятся атаман-нюрские поселения гребенчато-ямочной керамики¹.